

УДК 94(47)+94(436)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/61/4

Н.И. НАДЕЖДИН И КАРПАТСКАЯ РУСЬ

С.Г. Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Авторское резюме

Николай Иванович Надеждин (1804–1856) – русский филолог, литературный и театральный критик, философ, журналист, редактор, историк, археолог, этнограф, искусствовед, педагог. Сын бедного сельского священника. Фамилией Надеждин был обязан рязанскому архиепископу Феофилакту (Русанову), который возлагал на него большие надежды.

Н.И. Надеждин внес значительный вклад в развитие науки в России. Еще в 1834 г. он говорил о необходимости изучать русский язык в самых разных сферах, помимо художественной словесности и богословской литературы. Он отстаивал мысль о применении филологии в качестве вспомогательной дисциплины в истории, выступал одним из основателей исторической географии, сыграл значительную роль в становлении этнографии в России.

В своих работах Н.И. Надеждин затронул и историю Карпатской Руси. Первые материалы ученого по русинской тематике относятся к одесскому периоду его жизни. Самые ранние его статьи касались истории русинов Бессарабии, север которой, по нашему мнению, тоже относится к понятию «Карпатская Русь» («Прогулка по Бессарабии» (1839 г.), «О местоположении древнего города Пересечена, принадлежавшего народу угличам» (1844 г.)).

В 1840–1841 гг. он совершил путешествие по южным и западнославянским землям. В «Записке о путешествии по южнославянским странам» (1842 г.) и в «Отчете о путешествии, совершенном в 1840 и 1841 годах по южнославянским землям» (1844 г.) он упоминал о русском населении Венгрии и Трансильвании. К сожалению, отмечал автор, «Русь Юго-Западная, коей чистейшая и самообразнейшая часть уходит из пределов Российской империи», почти не изучается русскими учеными. Н.И. Надеждин сообщал о сохранившихся русских селениях в Трансильвании, жители которых еще недавно говорили «малороссийским языком». Он обращал внима-

ние на необходимость дальнейшей разработки дипломатики Дунайских княжеств, особенно Молдавского, которую начал Ю.И. Венелин.

Надеждин отметил, что географическая номенклатура не только в сопредельных с Россией Молдавском и Валашском княжествах, но и в Трансильвании и Венгрии, почти вплоть до Дуная, «под толстым слоем румынского и мадьярского наноса скрывает основной кряж – мало того славянский – собственно и именно русский».

В статье «Об этнографическом изучении народности русской» (1847 г.) Н.И. Надеждин еще раз поставил вопрос об изучении «народонаселения русского вне России». Он указал на «русскую стихию» в Австрийской империи, на проживавших в Галиции и Венгрии русинов (руснаков). Ученый напомнил, что в Трансильвании еще сохранились остатки русского населения: «В настоящее время, в большей части здешних русских селений, только женщины говорят еще по-русски; мужчины же променяли свой родной язык на господствующие вокруг: мадьярский или волошский».

В Молдавии и Валахии «присутствие русской стихии обнаруживается еще явственнее, еще резче и целее. Особливо в Молдавии, она просвечивает всюду сквозь господствующий слой населения румынского; наиболее же – в так называемой Молдавии Верхней (Цара де Сус)».

Ключевые слова: Николай Надеждин, Карпатская Русь, Угорская Русь, Трансильвания, Бессарабия, русин, руснак.

N.I. Nadezhdin and Carpathian Rus

S.G. Sulyak

St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Abstract

Nikolai Ivanovich Nadezhdin (1804–1856), a Russian philologist, literary and theater critic, philosopher, journalist, editor, historian, archaeologist, ethnographer, art critic, and educator, was the son of a poor village priest. The surname Nadezhdin was given to him by the Ryazan archbishop Theophilact (Rusanov), who pinned great hopes on the boy. N.I. Nadezhdin made a significant contribution to the development of science in Russia. Back in 1834, he spoke of the need to study the Russian language in various fields, in addition to belles-lettres and theological literature. He defended the idea of using philology as a supporting discipline in history. Nadezhdin was one of the founders

of historical geography and played a significant role in the formation of ethnography in Russia. In his works, N.I. Nadezhdin focused on the history of Carpathian Rus. His first materials on Rusins appeared when he lived in Odessa. The earliest articles explored the history of Rusins in Bessarabia, the north of which is thought to belong to Carpathian Rus (*A Walk in Bessarabia* (1839), *On the location of the ancient city of Peresechen, belonging to the Uglich people* (1844)). In 1840–1841, on behalf of the Odessa educational district trustee D.M. Knyazhevich, Nadezhdin traveled through the southern and West Slavic lands. In his *Note on the Journey Through the South Slavic Countries* (1842) and in *The Report on the Journey Made in 1840 and 1841 in the South Slavic Lands* (1844), he mentions the Russian population of Hungary and Transylvania. Unfortunately, according to Nadezhdin, “South-West Russia, whose purest and most unique part was leaving the Russian Empire” was hardly studied by Russian scholars. N.I. Nadezhdin reported about the surviving Russian settlements in Transylvania, whose inhabitants had spoken the “Little Russian language”. He drew attention to the need for further development of the diplomacy of the Danube principalities, especially Moldova, which was initiated by Yu.I. Venelin. Nadezhdin noted that the geographical nomenclature not only in the Moldavian and Wallachian principalities, which were adjacent to Russia, but in Transylvania and Hungary, almost up to the Danube, hides its Slavic and actually Russian nature “under a thick layer of Romanian and Magyar sediment.” In his article *On the ethnographic study of the Russian nationality* (Notes of the Russian Geographical Society, Book. 2. SPb., 1847), N.I. Nadezhdin once again raised the question of studying the “population of the Russian outside Russia.” He pointed to the “Russian element” in the Austrian Empire, to the Rusins (Rusnaks) living in Galicia and Hungary. The scholar recalled that the remnants of the Russian population could still be found in Transylvania, “At present, in most of the local Russian villages, only women still speak Russian; men, however, refused from their native language for the dominant languages around: Madyar or Volosh. In Moldavia and Wallachia, the presence of the Russian element was even more obvious. Especially in Moldova, where it shines everywhere through the ruling stratum of the Romanian population; and most of all – in the so-called Upper Moldavia (Țara de Sus).”

Keywords: Nikolay Nadezhdin, Carpathian Rus, Ugrian Rus, Transylvania, Bessarabia, Rusin, Rusnak.

Николай Иванович Надеждин родился 5 (17) октября 1804 в с. Нижнем Белоомуте Зарайского уезда Рязанской губернии в семье потомственных священнослужителей. По семейной легенде, их род происходил от некоего дворянина Чудина, предки ученого не имели фамилии и носили прозвища Белоомутских или Беловодских. Они

Николай Иванович Надеждин

Источник: Портретная галерея русских деятелей. В 2 т. Т. 2. СПб.: тип. и литогр. А. Мюнстера, 1869. С. 48.

хорошей памятью, наблюдательностью и «страстью к чтению», как указывал в автобиографии Н.И. Надеждин. Не получивши никакого образования, он сам выучился читать по-латыни и по-гречески, имел понятие о ботанике, минералогии, астрономии, нумизматике [6: 2; 25: 50–51].

Несмотря на недостаток средств и «тяжелые физические труды, к которым он должен был прибегать из-за насущного хлеба», он «тратил последние добываемые им копейки на приобретение книг». Он покупал их на еженедельно проводимых в селе базарах, с рук, иногда переписывал книги, которые брал почитать. Так, у отца Н.И. Надеждина была собрана библиотека примерно в сто книг. Они все были на русском языке, без определенной тематики, иногда оборванные и без начала и конца, разрозненные тома. Отец, как вспоминал Н.И. Надеждин, больше любил исторические и нравоучительные труды [6: 2; 22: 304; 23: 157; 25: 51].

Кроме Николая, в семье были две старшие дочери – Анастасия и Ирина. Также его отец содержал, кроме собственных детей, многочисленную семью сирот, оставшихся на его руках по смерти его отца и

отличались от односельчан незаурядными умственными способностями и тягой к знаниям. Распространенным в семье именем было Иоанн, его носили дед и отец Николая [6: 1; 22: 303–304].

Дед Надеждина 20 лет прослужил в Преображенской церкви села, умер в возрасте 43 года в сане иерея. При той же церкви с малолетства причетником был пристроен и его сын, затем ставший диаконом и священником. Отец Николая имел атлетическое телосложение и крепкое здоровье, не чуждался физического труда: сам построил себе дом, занимался полевыми работами. Он не заканчивал ни семинарии, ни училища, однако обладал способностями и

деда. На сына возлагались большие надежды: его не перегружали физическим трудом, отец рано стал обучать его грамоте. Он проявлял необыкновенную любознательность и зачитывался книгами из отцовской библиотеки. Лет с восьми у него обнаружилась и способность к писательству, также он научился сочинять стихи. По собственному признанию Н.И. Надеждина, его первыми учителями были отец и помещик Рязанской губернии, сотрудник московских периодических изданий С.Д. Нечаев, впоследствии обер-прокурор Священного синода [6: 2–3; 21: 304; 23: 157; 25: 51–52].

«Так дожил я в доме родительском до десятилетнего возраста, когда по обычаю и закону, в то время существовавшему, детям духовного звания следовало поступать в духовные учебные заведения», – вспоминал Н.И. Надеждин [25: 51]. Его отец понимал, что не сможет содержать сына в губернском городе, и решил в 1815 г. пристроить Николая причетником в своей церкви, для чего отправил мальчика в Рязань к архиепископу Феофилакту (Русанову). «Отец приказал написать просьбу к преосвященному и еще сочинить род речи для устного пред ним произнесения стихами. Это было мною исполнено с посильным усердием», – писал Н.И. Надеждин в автобиографии. Прибыв в Рязань, Николай в архиерейском доме, будучи в толпе среди других просителей, представился архиепископу и удивил его своей речью и ходатайством. Феофилакт расспросил Николая, задал ему ряд вопросов. Особенно его поразили знания мальчика по географии и истории. Владыка объявил, что не определит его в причетники, а оставит в семинарии, и направил к смотрителю Рязанского уездного духовного училища, чтобы определить, в какой класс его устроить. Смотритель определил его в высший класс. Впрочем, архиепископ предоставил ему право во время учебы пользоваться доходами с места причетника, исполняя данные обязанности в дни каникул. Через год Николай перешел вместе со своими соучениками в семинарию на класс риторики, а через два года – на класс философии [6: 6–10; 25: 52].

Обучался в классе риторики он уже под фамилией Надеждин. Ей Николай был обязан архиепископу Феофилакту, который возлагал на него большие надежды [6: 8]. Кстати, М.М. Сперанский (1772–1839) тоже родился в семье сельского священнослужителя и во время учебы во Владимирской епархиальной семинарии был записан под этой фамилией (в переводе с латинского – «подающий надежды»).

Николаю не было и 15 лет, когда он закончил курс философии. Лучших воспитанников семинарии направляли в Московскую духовную академию. Как правило, это были закончившие полный

семинарский курс (он не закончил богословский класс), и Н.И. Надеждин «не имел повода готовиться к сему в эту пору, и уже другие были выбраны». Однако в то время в Рязань с визитом из академии прибыл архимандрит, ректор Спасо-Вифанской духовной семинарии Никанор, будущий митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский. Он и определил Николая студентом академии, куда тот и отправился учиться в 1820 г. Покровительствовавший Николаю Феофилакт в 1817 г. стал митрополитом Карталинским и Кахетинским, экзархом Грузии, епископом Рязанским и Зарайским был назначен Сергей (Крылов-Платонов), который тоже помогал подростку и разрешил ему пользоваться доходами с места причетника во время обучения в академии. Как отмечал Н.И. Надеждин, «с этих пор, можно сказать, началось мое настоящее воспитание» [6: 13, 15; 25: 53].

Московскую духовную академию он закончил в 1824 г. со степенью магистра богословия. Его не оставили в академии, поскольку он не стремился принять духовный сан. Надеждин получил направление в Рязанскую семинарию в качестве профессора русской и латинской словесности. В октябре 1826 г., после долгих хлопот, не отработав положенных четырех лет после окончания академии, он был уволен с занимаемых должностей и лишен духовного звания. Как писал сам Н.И. Надеждин, «согласно моему прошению, по причине болезни уволен для поступления в гражданскую службу» [21: 304–305; 25: 55].

Приехав в Москву, он устроился домашним учителем в семье Самариных. Его ученик Юрий Федорович Самарин впоследствии стал известным славянофилом. За два года преподавания в этой семье и проживания в их доме Надеждин значительно повысил свое образование. По его словам, «все это дало мне способы переработать прежний запас исторических моих сведений по новым взглядам». Он внимательно изучил современную литературную полемику на страницах московских литературных журналов [21: 304; 25: 55–59].

В то время он познакомился с профессором Московского университета, издателем «Вестника Европы» М.Т. Каченовским, с которым у него сложились весьма тесные отношения. С апреля 1828 г. Надеждин начинает публиковаться в «Вестнике Европы», с 1829 г. – в журналах «Русский зритель», «Московский вестник», «Атеней», «Галатей». Имя его получило известность. Из-под пера Н.И. Надеждина выходят критические очерки и рецензии, материалы исторического и философского характера, ряд стихотворений [6: 45, 47; 19: 20; 21: 170; 22: 305; 25: 59].

С 1829 г. Надеждин состоял членом Общества истории и древностей российских [19: 24].

С М.Т. Каченовским у Н.И. Надеждина сложились теплые отношения, и профессор предложил ему преподавать в университете. Для этого нужно было защитить ученую степень. Сдав экзамены, Надеждин взялся за написание диссертации на латинском языке о романтической поэзии «*De origine, natura et fatis Poëseos, quae Romanca audit. Dissertatio historico-critico-elenetica*». Отрывки из нее известны под названием «О настоящем злоупотреблении и искажении романтической поэзии». После ее защиты он получил степень доктора словесных наук и 26 декабря 1831 г. был назначен в Московский университет ординарным профессором по кафедре изящных искусств и археологии в 27 лет [17: 154; 18: 432; 19: 21–23; 21: 170; 21: 305–306; 25: 59–63].

Одновременно с работой в университете Н.И. Надеждин по приглашению дирекции Императорских театров преподавал логику, русскую литературу и мифологию в Московской театральной школе. В том же году стал редактором основанного им журнала «Телескоп» и приложения к нему «Молва» [19: 23–24; 21: 170; 25: 63]. Также он неоднократно исполнял обязанности визитатора (инспектора) гимназий и уездных и приходских училищ Московского учебного округа, члена училищного комитета и комитета для испытания гражданских чиновников [25: 65]. В 1834 г. он избран в члены Общества любителей российской словесности при Московском университете [19: 24; 21: 170].

Н.И. Надеждин писал: «Между тем жестокие болезни, которыми я страдал постоянно, заставили меня обратить внимание на свое здоровье. Доктор признал необходимым, чтобы я на лето съездил за границу. Это заставило меня просить увольнения от службы с дозволением совершить путешествие» [25: 64–65].

В 1834 г. Н.И. Надеждин пережил тяжелую личную драму. Он полюбил старшую дочь семейства Сухово-Кобылиных Елизавету Васильевну (1815–1892), наставником которой стал по приглашению ее семьи. Кстати, отец Николая Ивановича упорно отговаривал сына от этого шага, предусмотрев в переезде к Сухово-Кобылиным большое несчастье, да и сам ученый долго не соглашался на это. Несмотря на взаимность со стороны девушки, родители отказали низкородному претенденту. Н.И. Надеждин посчитал, что для Сухово-Кобылиных нужны «наружный блеск» и деньги. Он решил уволиться из Московского университета и уехать на полгода за границу. Ученый рассчитывал, что путешествие поможет ему сделать карьеру, и он, вернувшись, начнет служить в Министерстве внутренних дел [6: 457–480, 482–511, 522, 524–525, 546, 550–552; 22: 308].

29 мая 1835 г. он по прошению был уволен из университета [17: 154], а в июне отправился в заграничное путешествие. Н.И. Надеждин посетил Германию, Францию, Швейцарию, Италию, Австрию. В Геттингенском университете он слушал лекцию археолога и филолога К.О. Мюллера, беседовал с историком А. Гереном. В Париже познакомился с французским археологом Д. Рауль-Рошеттом и был у него на лекциях, которые тот читал в Королевской публичной библиотеке. После путешествия по Черноморскому побережью в декабре 1835 г. он вернулся в Москву. По приезде Надеждин издал «Выдержки из дорожных воспоминаний» [6: 507–524; 9: 210; 25: 65].

Здоровье его не улучшилось, и он был вынужден просить об окончательной отставке от службы, что и последовало в октябре 1835 г. [25: 65]. Дома его ждала и развязка сердечной драмы. Мать Елизаветы М.И. Сухово-Кобылина поспешила увезти дочь за границу. Сохранилось письмо, отправленное Н.И. Надеждиным Елизавете¹, уезжавшей в Испанию: «Богу не угодно было соединить нас! Да будет Его святая воля! Терпение и надежда! Я остаюсь ждать!» [6: 524].

Во время отсутствия Надеждина «Телескоп» редактировал молодой В.Г. Белинский [6: 495], который не смог организовать ни регулярного выхода, ни разнообразного содержания журнала и приложения [6: 537; 22: 308].

П.Я. Чаадаев, с которым Н.И. Надеждин был шапочно знаком с 1832 г., в 1836 г. предложил напечатать в «Телескопе» свои «Философские письма». До этого он все четыре года пытался их опубликовать в различных изданиях, но в публикации либо отказывала московская цензура, либо издатели требовали кардинальных изменений в тексте (но, как понимаем, известить об этом Н.И. Надеждина он «позабыл»). Свою прежнюю напыщенность и холодность Чаадаев при общении с Н.И. Надеждиным сменил на «радушный и приятный тон» и учтивость, что удивило последнего. Ученый письма одобрил, посчитал, что они заинтересуют публику и помогут росту популярности журнала. Он не заметил в них «вольномыслия и политической неблагонадежности» [6: 533–534, 537–538; 22: 309].

Осенью 1836 г. в 15-й книге «Телескопа» были опубликованы «Философические письма к г-же ***. Письмо 1» Чаадаева. Главное управление цензуры 19 октября приняло определение, на основании которого министр народного просвещения граф С.С. Уваров ходатайствовал перед Николаем I о закрытии «Телескопа» и увольнении цензора Болдырева. Для расследования была учреждена особая комиссия. В московской квартире Н.И. Надеждина, а также у В.Г. Белинского были произведены обыски и изъяты все бумаги.

Сам Надеждин был отправлен в Санкт-Петербург. Во время допроса он все подробно и достоверно изложил. В то же время Чаадаев во время дознания проявил «трусость и малодушие». Он назвал свои письма «сумасбродными и скверными» и указал на Надеждина как на главного виновника их публикации. Однако его попытки обелить себя в глазах правительства и родного брата были не очень удачны [6: 543–550; 22: 309].

Н.И. Надеждин был выслан под надзор полиции в Усть-Сысольск (ныне Сыктывкар). Учитывая тяжелое материальное положение ученого, шеф жандармов и начальник III отделения граф А.Х. Бенкендорф выхлопотал для него «разрешение писать и печатать под своим именем» [3: 550]. Ссылка стала для Надеждина тяжелым ударом. Карьера его была испорчена, мечты о семейном счастье разбиты [6: 546]. Как писал Н.К. Козмин, в обществе «прежний оболыститель Сухово-Кобылиной был изображен в новой роли врага Отечества» [6: 551].

Ссылка Н.И. Надеждина в Усть-Сысольске, а затем в Вологде продлилась два года [22: 309]. Как писал в автобиографии сам ученый, это был «решительный переворот во всей моей судьбе, вследствие которого я должен был оставить Москву и провести около года на жительстве в Вологодской губернии. Это разорвало меня окончательно с эстетикой и археологией. Я перенес мои занятия совершенно на другое поприще, и именно на поприще географии и этнографии, сверх того, на сотрудничество в издававшемся тогда "Энциклопедическом лексиконе". Я обратился к истории вообще и отечественной в особенности» [25: 66–67]. Во время ссылки ученый написал множество работ по этнографии, лингвистике, археологии, географии, фольклористике, истории религии и церкви [22: 309]. В апреле 1839 г. он был прощен царем и, получив право жить «всюду, где пожелает», отбыл в Санкт-Петербург [8: 211]. По возвращении из ссылки Н.И. Надеждин начинает заниматься в основном этнографическими и историческими исследованиями, в частности историей религии [20: 566–567].

После ссылки здоровье Н.И. Надеждина ухудшилось, и он принял предложение переехать на жительство в Южную Россию, а именно в Одессу. Там он много общался с Д.М. Княжевичем, тогда попечителем учебного Одесского округа, который основал в Одессе Общество истории и древностей и был его первым председателем. Надеждин стал членом этого общества, много писал для него и в 1840–1841 гг. совершил по его поручению «обширное путешествие по Юго-Восточной Европе, продолжавшееся более года» [25: 67]. Также он занимался выпуском первого тома «Записок Одесского

общества истории и древностей». В Одессе он пробыл менее года, а в марте 1842 г. по прошению был принят на службу в Министерство внутренних дел. В августе Надеждин отправился в Санкт-Петербург, где должен был вступить в должность редактора «Журнала Министерства внутренних дел» [25: 68]. Обострение ревматизма задержало его в Одессе, после чего более месяца он лечился в Киеве и только поздней осенью прибыл в Санкт-Петербург [18: 29].

Его задачей стало коренное преобразование журнала. Работа над ним занимала много времени. Можно сказать, что восемь томов журнала, вышедшие в первые два года под его редакцией, были написаны его рукой. Также ему поручались дела, требовавшие философско-богословских знаний. Направляли его и в командировки: в 1845 и 1846 гг. он побывал в разных губерниях и десять месяцев за границей (с половины мая до половины марта), в 1847 и 1848 гг. – пять месяцев (с 7 августа по 15 января) [25: 68–70]. Командировки были «с возложением... особых секретных поручений» [9: 211]. В журнале он напечатал ряд ценных трудов по географическому, этнографическому и статистическому изучению России [18: 433].

За семь лет службы в министерстве Н.И. Надеждин стал статским советником (1845 г.), что давало ему право на потомственное дворянство, затем действительным статским советником (1851 г.). Награжден орденами Анны второй степени (1846) и Владимира третьей степени (1848 г.) [25: 70].

В конце 1848 г. он возглавил отделение этнографии Русского географического общества. Также был редактором изданий «Общества географических известий» (СПб., 1848. Вып. 1–6) и «Этнографического сборника» (СПб., 1853–1854. Вып. 1–2) [18: 433–434; 25: 73].

29 августа 1853 г. Н.И. Надеждина в гостях разбил паралич. Была поражена вся левая сторона: нога и рука отнялись, рот и глаз перекосило, речь сделалась невнятной. Вскоре рука и нога немного восстановились, однако проблемы с речью остались. С лета 1854 г. состояние его здоровья ухудшилось [25: 71–72].

Скончался Надеждин в Петербурге 11 (23) января 1856 г. в возрасте 52 лет. М. Чистяков, один из бывших его студентов, так описал похороны своего учителя: «Была зима и страшная вьюга, за гробом его шли три-четыре человека, ни одного из членов Географического общества..., ни одного журналиста, ни одного из обыкновенных его гостей не было...» [22: 309].

Н.И. Надеждин был похоронен на Смоленском кладбище, в склепе под церковью. Над гробом Надеждина известный ученый, протоиерей Ф.Ф. Сидонский произнес небольшое, с чувством написанное слово на священный текст: «Духа не угашайте!» [25: 78].

Н.И. Надеждин внес значительный вклад в развитие науки в России. Еще в 1834 г. он говорил о необходимости изучать в самых разных сферах, помимо художественной словесности и богословской литературы, еще и язык юриспруденции, естественных и математических наук, техники, военного дела и т. д., отстаивал мысль о применении филологии в качестве вспомогательной дисциплины в истории, выступал одним из основателей исторической географии, сыграл большую роль в становлении этнографии в России [9: 211].

Его первый биограф П.С. Савельев писал: «Одних напечатанных уже сочинений его достаточно было бы для известности нескольких ученых: по разносторонности они представляются как бы трудами целого факультета. Но много трудов, частью неоконченных, частью в отрывках, преимущественно относящихся к истории православной церкви, осталось еще после него в рукописи» [25: 77].

Можно согласиться со словами авторов биобиблиографического словаря-справочника «Русские филологи XIX века», что «издательская судьба творческого наследия Надеждина была не слишком счастливой, что, видимо, стало одной из причин явно недостаточного внимания к нему и со стороны критики, и со стороны современной филологической науки» [22: 309].

Как писал И.П. Филевич, «научные заслуги Надеждина ни при его жизни, ни вскоре после смерти не получили признания (кроме речи Срезневского); труды его остались разбросанными по журналам и газетам, а к 70-м годам совершенно забыты. Надеждин слишком опередил свое время» [29: 28].

И.И. Срезневский в «Воспоминаниях о Н.И. Надеждине» поднял вопрос о необходимости выпуска сборника его работ: «Подобрать вместе все им написанное по каждой отрасли его работ отдельно и в должном порядке по содержанию, с этим вместе собрать и с недосказанным письменно соединить всюду, где возможно, воспоминания тех, которым он высказывал свои ученые соображения, выводы, мысли и убеждения – вот что должно, кажется, сделать, как памятник Надеждину и вместе как один из достойнейших памятников современной русской науки и литературы. Этот сборник осязательно укажет даже своим внешним объемом значительность ученой деятельности Надеждина: он займет не менее шести больших томов, если и не будет в нем дано места, как и следует, ни переводам и извлечениям, ни переработкам чужих трудов. Для всех знающих еще значительнее он будет и по ученой основательности содержания, и вместе по удивительному разнообразию и важности предметов. И явится этот сборник в нашей литературе не только как памятник уже прошедшего, но как светоч для будущего, если не навсегда, то,

по крайней мере, надолго, как светоч огня чистой любви к добру и к истине, любви к Отечеству и полезному для него труду, от которого займут себе искру много других светочей» [24: 85–86; 27: 15–16].

Первым биографом Н.И. Надеждина стал П.С. Савельев, издавший его автобиографию со своими дополнениями [25]. Н.К. Козмин подробно описал жизнь и научно-литературную деятельность с 1804 по 1836 г. [6]. О вкладе Надеждина в науку, особенно в этнографию, написал в «Воспоминаниях о Н.И. Надеждине» И.И. Срезневский [24; 27]. Дополняют воспоминания «Список сочинений и изданий Н.И. Надеждина» Г.И. Геннади [4]. С.А. Венгеров в своем исследовании «Источники словаря русских писателей» перечислил большинство дореволюционных работ, посвященных биографии и трудам Н.И. Надеждина [2]. В дореволюционный, советский и постсоветский период биографические справки об ученом и его библиография публиковались в различных энциклопедиях, словарях и т. д. Некоторые из них мы использовали в данной статье [9; 17–22; 24–25; 27]. Недавно вышла библиографическая работа М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижева [23].

В своих трудах Н.И. Надеждин затрагивал и русинскую тематику. Как считал И.П. Филевич, первые сведения о русинах Карпатской Руси ученый получил от Ю.И. Венелина (1802–1839), с которым был в хороших отношениях [29: 8]. Как отмечал в биографическом очерке его двоюродный брат И.И. Молнар, получив аттестат по окончании курса медицинских наук в 1829 г., Венелин первым делом отправился к Надеждину [3: XLVIII–XLIX]. Точку зрения И.П. Филевича подтверждает тот факт, что Н.И. Надеждин несколько раз упоминает о Ю.И. Венелине в своем «Отчете о путешествии, совершенном в 1840 и 1841 годах по южнославянским землям» как о первом работчике молдавской средневековой дипломатики; что он «одних увлек, других соблазнил, всех же вообще изумил неслыханной новостью и оригинальностью своих взглядов вообще на мир южнорусский, взглядов, грозивших решительным переворотом всей древней истории нашего Отечества». Н.И. Надеждин подчеркнул, что западноевропейские историки, изучая «южнославянский мир», не пренебрегают источниками, которыми пользовался Ю.И. Венелин, а некоторые из них, например, Ян Коллар, по многим вопросам «более или менее сходятся с Венелиным» [15: 539, 542–543].

И.П. Филевич первым широко осветил «соображения Надеждина об этой Руси, а равно его мысли об изучении русской исторической древности и пределах древнерусской территории». Свою монографию (извлечение из докторской диссертации) он посвятил памяти Н.И. Надеждина [29: 1; 8–11; 25–68]. А.А. Кочубинский отметил

вклад Надеждина в изучение истории русского населения Дунайского Залесья (Трансильвании) [7: 48; 8: 128]. Ф.Ф. Аристов упомянул, что именно Н.И. Надеждин первым поставил вопрос о времени появления «русского имени» в Карпатах [16: 150]. Т.В. Полянина в своей статье рассказала о вкладе Н.И. Надеждина и И.И. Срезневского в изучение истории и культуры Закарпатья и Галичины [26].

Первые работы Надеждина, затрагивающие русинскую тематику, написаны в одесский период его жизни. Причем самые ранние статьи касаются истории русинов Бессарабии, север которой, по нашему мнению, тоже относится к понятию *Карпатская Русь* [28: 288].

Еще И.П. Филевич обратил внимание, что «блестящие статьи Н.И. Надеждина по вопросу о началах русского имени и русского племени и о значении Карпат в этих отношениях» относятся к 1840-м гг. На торжественном заседании Общества любителей истории и древностей 4 февраля 1840 г. он произнес речь, в которой наметил стоявшие перед историками задачи: «изучать Новороссию не только в мертвых и немых ее остатках, которыми усыпана поверхность, упитаны недра наших степей, но и в дышащих, говорящих памятниках национальности народов, жизнью которых наполнялись некогда эти степи» [12: 34; 29: 8–9].

В статье «Опыт исторической географии Русского мира» Н.И. Надеждин указал на важность изучения географической ландкарты (географической номенклатуры): «красноречивее всех географические названия, в которых звучит язык, это первое свидетельство, первый акт исторического существования народов. Вот почему с изучения ландкарты должно начинаться изучение истории» [10: 27–28; 29: 30–31].

В 1839 г. Н.И. Надеждин совершил поездку по Бессарабии – с целью не только познавательной, но и историко-этнографической. Будучи в Кишиневе, он в своем очерке «Прогулка по Бессарабии» вспомнил, что при пансионе Кишиневской духовной семинарии, который готовил переводчиков для государственной службы в Бессарабской области, в должности надзирателя служил покойный Венелин [11: 391].

Проезжая мимо «деревни Пересечени», ученый отметил, что «в первый раз внутри Бессарабии услышал я чистые славянские звуки, с насечкою румунского чекана. Значит, оно принесено сюда не русскими после завоевания области». Он был уверен, что «нашел настоящий Свентельдов Пересечень и настоящих угличей-славян». Он обратил внимание, что улицы вместе с тиверцами в летописи показаны «присяжными ко Дунаеви», причем еще прибавлено, что «множество их сидели по Бугу и по Днестру, иные до моря». Ученый

напоминает, что татары, переселившиеся позже в Южную Бессарабию, назвались «буджаками», т. е. «угловыми». Племя славян жило на этом же углу и назвалось соответственно «угличами». Татары же, скорее всего, заимствовали это название [11: 396–399].

Будучи на севере Бессарабии, в Хотине, Надеждин написал: «На бессарабской стороне земля русская продолжается несколько далее, до ручья, называемого Черный Поток. Там Австрия переходит через Днестр. Другая империя, другие формы государственного и гражданского существования, другой мир политический! А между тем природа та же и люди те же! Жители – одного происхождения, одних нравов, одной физиономии, одного языка, одной веры. Своенравие судьбы разорвало семью кровных братьев» [11: 412].

Говоря о «румунском простонародье», автор отмечал: «оно чище сохраняет в себе признаки слияния римской крови со славянскою, чем высший класс, непосредственное подвергавшийся влиянию турецкой атмосферы». Ученый обратил внимание, что «костюм мужчин сбивается на козацкий. Женщины весьма близки к хохлачкам». «Здесь царствует “понява”, обыкновенный наряд наших поселенков вплоть до Оки, за которою уже сменяет ее северный “сарафан”». «Нет! Недаром старики наши называли города волошские и болгарские “городами русскими”!» [11: 415–417].

Позже в статье «О местоположении древнего города Пересечена, принадлежавшего народу угличам» Н.И. Надеждин продолжил тему последних. Он считал, что летописные «уличи» – на самом деле «угличи», «все прочие варианты суть описки». «Угличи» – не что иное как «угловые славяне», обитавшие на побережье Черного моря, между Днестром и Дунаем. Эта местность представляет собой угол. Позже славян вытеснили «из заветного угла» кочевники. Они утратили имя *угличи*. Потом на этом месте поселились татары. Степную часть Бессарабии называли по-татарски *Буджак*, что значит *угол*, переняв это имя от прежних поселенцев. Когда татары переселились в другое место, они тоже перестали называться *буджак* (буджакскими, угловыми) [14: 252–253; 256].

С сентября 1840 г. по сентябрь 1841 г. Н.И. Надеждин вместе с Д.М. Княжевичем путешествовал по «южнославянским странам». Как писал сам ученый, путешествие «обнимало следующие страны Средне-Южной Европы: Молдавию, Буковину, Трансильванию (или по-славянски Землю Семиградскую), так называемый Банат (иначе Банатскую военную границу Австрийской империи) и подунайскую середину Венгрии; затем Штайермарк или Штирию, Крайну, Истрию, Венгерское побережье (Littorale), Военную Кроацию (Хорватию), Далмацию с так называемой Австрийской Албанией и Черную Гору;

потом Кроацию провинциальную, Славонию и нынешнее княжество Сербское; наконец Восточную потисскую Венгрию, где находится так называемая земля Земля язигов (Iazygen Land) и Кумания, Великая и Малая» Также они побывали в Италии, Богемии и ряде стран Северной Германии [15: 519].

Н.И. Надеждин обозначил целью своей поездки изучение памятников «немых, письменных и говорящих». Памятники немые: «сюда относятся остатки минувших времен, которые в буквальном смысле "бессловесны"; остатки материальные, как-то древние здания, развалины зданий, пустыри селений и городов, со всеми самомельчайшими признаками человеческого местопребывания, человеческого употребления или человеческого обработки» [15: 530]. Памятники письменные: «здесь совокупляются под одно наименование все остатки письма, завещанные стариной и повествующие о старине: будут ли то строчка, даже буква на монете, камне и всяком другом вещественном памятнике древности; или целый свиток, целая книга, посвященная "делам давно минувших дней, преданьям старины глубокой"! Такими памятниками обозренное нами пространство не скудно» [15: 536]. Ученый отметил, что славянской дипломатикой обоих Дунайских княжеств, особенно Молдавского, от которой можно ожидать «обильнейшей добычи», начал заниматься Ю.И. Венелин. К сожалению, как констатировал исследователь, «остатки ее, которых нынешние румыны не умеют и прочесть, не только оценить, берегутся ими за десятью замками, в сокровенных ларцах, точно волшебные амулеты» [15: 539].

Памятники говорящие – это географическая номенклатура урочищ, местностей, городов, селений [15: 543–544].

Выехали Н.И. Надеждин и Д.М. Княжевич за границу через Бессарабскую область, сначала в Молдавское княжество, потом в Буковину, «ныне принадлежащую Австрийской империи, но населенную все еще чистыми румынами, а отчасти русинами, т. е. малорусами» [13: 87–88]. Путешествуя дальше, Н.И. Надеждин отметил, что вместе с «лингвистическими изысканиями, или, лучше, вследствие их, напал я на другую соприкосновенную область отечественного самопознания, которая также прямо в непосредственно относится к занятиям академии. Это история, география и этнография наших прикарпатских братьев, которые, несмотря на вековую разлуку с нами, до сих пор с русским именем, берегут как святыню русский язык и русскую народность» [13: 101].

Ученый обратил внимание на то, что «до сих пор все исследования наших историков, этнографов и археологов – исследования... обращались преимущественно, даже, можно сказать, исключительно

но, на Русь, заключающуюся в обширных пределах российского государства». Причем «особенное, впрочем, весьма естественное предпочтение, оказывалось Руси Северо-Восточной, основательнице настоящей славы и величия имени русского. Русь Юго-Западная, коей чистейшая и самообразнейшая часть уходит из пределов Российской империи, простирается за Карпаты до Дуная, во всю длину его течения по древней Паннонии, – эта Русь едва достаивалась мимоходного упоминования в предисловиях к русским историям. Доходило даже до того, что сознание нашего кровного родства и единства с юго-западными нашими соименниками... затмевалось совершенно в новейших бытописателях и исследователях» [13: 101–102].

Н.И. Надеждин «убедился вполне, неопровержимыми доказательствами, что русская стихия простиралась на юго-запад по обе стороны Карпат, вплоть до Дуная, задолго до вторжения мадьяров в Паннонию; что мадьяры не привели сюда с собою русов, а нашли их здесь, осилили, расположились жить и господствовать меж них и таким образом разорвали то непосредственное соседство, в котором русы, по свидетельству наших отечественных и чужих преданий, находились некогда с сербами, хорватами и славяно-чехами. Доказательства, на коих основалось мое переубеждение, суть исторические, этнографические, топографические и даже лингвистические» [13: 103]. Он обратил внимание на то, что «в Трансильвании, в сокровеннейших ущельях Карпат, при истоке Ольты, между румынами, мадьяро-склерами и саксами находятся деревни, которые по сие время называются "русскими", жители которых, на памяти ныне живущего поколения, говорили еще между собою "по-русски", то есть карпато-русинским, или, что то же, малороссийским языком» [13: 103–104].

Он считал, что данный факт поможет объяснить многие неясные страницы русской истории, начало христианства на Руси, «происхождение и смысл нашей древней летописи» и т.д., в т. ч. и решить «загадку сфинкса»: известный список «Русских городов, дальних и ближних». С мыслями ученого согласились Е. Копитар и П.И. Шафарик [13: 104–105].

Н.И. Надеждин отмечал, что «географическая номенклатура не только сопредельных с нами Молдавии и Валахи, но даже Трансильвании и Венгрии, почти вплоть до Дуная во всю длину течения его по Паннонии, под толстым слоем румынского и мадьярского наноса скрывается основной кряж – мало того славянский – собственно и именно русский». Об этом «вразумительнее и красноречивее говорят историкам и археологам живые люди»: «своими народными

обычаями и нравами, характеристическими особенностями всего своего образа жизни, типом своей физиономии, коротко сказать – всеми отличительными признаками своей национальности» [15: 545].

Он писал, что «в Карпатах и за Карпатами живут наши кровные, родные братья, русские, такие же, как и мы, которые называют себя "русинами", которых немцы зовут "Ruthenen" и "Russniaken", мадьяры величают "Orosz"; что они живут в тринадцать комитатах, населяя 702 местечка в одной Венгрии; что их порядочное количество рассеяно и по Трансильвании, даже до границ Валахии, несмотря на постоянное, систематическое истребление здесь всего славянского» [15: 545].

Они «рано, очень рано, по крайней мере, неоспоримо, до начала нашей книжной истории, отрезались оплотом Карпат от своих прочих братьев и здесь на продолжении веков оставались недоступными тем влияниям, под которыми развивалось большинство великого племени русского» [15: 546].

Исследователь также обратил внимание на то, что румыны (скорее всего, ученый имел в виду жителей Молдавского княжества. – С.С.) – «полулатинская и полуславянская народность», они «имеют разительные черты сходства больше именно с народностью именно русской, чем других славянских племен», а в «глубине степей Венгрии мадьярка до сих пор отличается костюмом, изумительно напоминающим обыкновенный наряд наших северных поселянок под Москвой или за Москвой» [15: 546].

В своей речи «Об этнографическом изучении народности русской» на годовом собрании Русского географического общества 29 ноября 1846 г. ученый поставил задачи перед зарождавшейся русской этнографией, рассматривая ее отдельной наукой. Для «этнографического изучения русского человека» необходимо «подмечать и описывать все собственно русское, все, чем мы, народ русский, отличаемся от прочих народов в своем складе и быте, в своих способностях, расположениях, потребностях и привычках, в своих нравах и понятиях: нравах – как являются они на том раздольном просторе домашней, своеобычной жизни, где всякий человек сам себе господин, где у русского человека в особенности, по собственному выражению, "душа на ладони, сердце за поясом"; понятиях – также в том самодельном, доморощенном наборе и убранстве, в каком они, с завета праотеческой старины, из рода в род, передаются в так называемых народных приметах и поверьях, сказках и песнях, пословицах и прибаутках, замечательных изобилием и характерностью в особенности у человека русского» [16: 62–63]. Причем дол-

жен «изучаться русский люд во всех нынешних своих самомельчайших разветвлениях. Стало быть, охотники и мастера наблюдать не должны оставлять без внимания ни малейшего уголка, где только чуется Русь, где только есть русские» [16: 81].

Н.И. Надеждин впервые в российской науке поднял вопрос об изучении русского населения, живущего за пределами нынешней России: «эти русские вне России тем большего заслуживают внимания, что в них основное общерусское начало не подвергалось многим из тех влияний, каким подлежат или подлежали русские в нынешних пределах России; почему особенности, ими представляемые, должны иметь особенный интерес при том процессе сравнения, коим должно доходить до открытия подлинных черт истинно русской народности» [16: 82].

Ученый пояснил, что «до сих пор существование народонаселения русского вне России положительно и официально известно только в пределах монархии Австрийской; и тут, именно в Галиции (имеется в виду с Буковиной, которая с 1786 по 1849 г. была в составе коронной земли Королевство Галиции и Лодомерии с Великим княжеством Краковским и княжествами Освенцима и Затора. – С.С.) и в Венгрии. Эти австрийские русы, или, как они сами себя называют, русины и русаки (вероятно, в тексте опечатка, ибо в других случаях Н.И. Надеждин употребляет этноним *руснаки*. – С.С.) численностью своей представляют весьма значительную массу, простираясь, по означению туземца Шафарика, до 2 774 000 душ, из коих приходится на Галицию 2 149 000, на Венгрию – 625 000 душ». Таким образом, «обе стороны горного Карпатского амфитеатра, поколику проходит он между Галициею и Венгриею, являются покрытыми населенностью русскою: и чем глубже в горы, тем гуще, сплошнее и чище» [16: 83].

Однако этими пределами, по мнению ученого, «далеко не ограничивается действительное распространение народности русской вне России. На всем огромном протяжении нынешней западной границы Российского государства, от устьев Немана до устьев Дуная, стихия русская прорывается за рубеж и местами отбрасывается в изумительную даль, можно сказать народною русскою ж поговоркой – "за тридевять земель в тридесятое царство"» [16: 83–84].

Говоря о Карпатской Руси, исследователь отметил, что «в пределах той же еще монархии Австрийской, смежно с Галициею и Венгриею, лежит особая страна, известная под именем Трансильвании, называемая у смежных русинов и вообще у славян Землей Седмиградской. Страна эта официально значится мадыро-немецкою; но действительно господствующее в ней по количеству народонаселение есть

румунское, или, что то же – волошское. При всем том она содержит в себе более или менее крупные образчики и других народностей, в особенности из обливающего ее вокруг племени славянского. В ней есть селения польские, моравские, сербские, болгарские; есть, наконец, и русские. Последние изобличают себя самими наименованиями: Орос-Фалу, Орос-Фая, Орос-Геди и т. п. (Orosz – русский). Кроме того, сами трансильванцы считают русскими селения Кис-Чергед и Нади-Чергед в комитате Белградском, также Бунгард и Рейсдорф в округе Сибинском или Германштадском; последнее, то есть Рейсдорф, в своем немецком имени носит не менее явное свидетельство происхождения русского (Reuss-Dorf – Русская деревня)». Ученый ставил вопрос: как и когда появились здесь русские и какую территорию они заселяли в древности? Прежде их было больше, утверждал Н.И. Надеждин, «но последовавшими местными обстоятельствами и переворотами они постоянно все сглаживались и затирались, так что едва держатся и те, которые уцелели донине». В настоящее время, писал ученый, «в большей части здешних русских селений только женщины говорят еще по-русски; мужчины же променяли свой родной язык на господствующие вокруг – мадьярский или волошский». Он считал, что главной причиной их ассимиляции стал переход из православия в протестантизм [16: 84–86].

Обратил внимание ученый «опять на сую сторону Карпат», на Дунайские княжества – Валахию и Молдавию. Тут, указал он, «присутствие русской стихии обнаруживается еще явственнее, еще резче и целее. Особенно в Молдавии она просвечивает всюду сквозь господствующий слой населения румынского; наиболее же – в так называемой Молдавии Верхней (Цара де Сус): в цинутах Ботошанском, Дорохойском, Сучавском, Нямецком, Бакейском, Романском и Ясском, где население чисто русское, живущее и смешанно с румынами, и особняком, безошибочно можно полагать в несколько десятков тысяч душ». Он напоминает, что «еще в списке "городов русских" поименно значились города Верхней Молдавии: на Пруте – Чернаский-Торг (ныне – Черновцы или Черновиц)², на Молдове – Романов-Торг (нынешний Роман), в горах – Нямец (по-нынешнему – Нямец), дальше – Сучава, Серет и другие» [16: 86–88].

Продолжая тему угорских русинов, Н.И. Надеждин пишет, что «разбросаны они на обширном пространстве по Северо-Восточной Венгрии: в шестнадцати или и более комитатах, если считать все выселки их, даже и те, которые произошли в недавнее время. Но преимущественно наполнены ими горные альпийские комитаты на восточной границе Венгрии: там, где дико-величавая природа карпатская по всей справедливости заслуживает имя венгерской

Швейцарии. Такое топографическое помещение, конечно, не могло не сообщить особых оттенков их нравам и быту: во всем огромном мире русском это единственный пример "русских горцев"». Мадьяры их называют *Oroszok* (так же точно, как и жителей России); немцы – *Russen* и *Ruthenen*. Сами они именуют себя *русинами*, *руссаками*, *русанами*, а также *руснаками*. От имени *руснаки* произошли немецкое *Russniaken* и мадьярское *Rusznjakok* – оба как презрительное, ругательное прозвище. Ученый отметил, что «во всем многочисленном разнообразии нынешнего народонаселения Венгрии эти братья наши сведены на самое последнее место, ставятся ниже всех прочих народностей, ниже даже волохов и цинцар; а потому и славное имя "русских" покрыто здесь прахом глубочайшего унижения». Однако местное население бережет свое имя, и нет выше клятвы и святее присяги, как «на мою русску душу правда! А бых не русин быв, коли неправда!» [16: 103–104].

Н.И. Надеждин перечислил «множество местных прозваний, которыми зовут их и прочие туземцы». Причем некоторые зависят от места проживания: «верховинцы, крайняки, подгорцы, бережанцы (то есть живущие по верхам гор, вскрай гор, по подгорью, по берегам рек больших)». Другие – по особенностям произношения: «лишаки, лемаки, цопаки (похоже, как и у нас, в губернии Рязанской, жители уездов Егорьевского и отчасти Рязанского и Касимовского называются цуприки – по той причине, что имеют привычку прибавлять к словам на конце слог: "цу")». Также прозываются по любимым занятиям и промыслам: «бляшаники, смоляники, грабляники, свечкари; либо по особенностям в наружном виде и других привычках, например, ліопаки, или, правильнее, шіопаки, от "шлепанья" широким платьем и вообще тяжелою походкою (тоже похоже на наши прозвания, например, владимирцев – клюковниками, клиновцев – лапотниками, муромцев – калшиниками, новгородцев – долбежниками и гущеедами, ростовцев – вислоухими, рязанцев – синебрюхими и т. п.). Некоторые прозвища, по мнению ученого, имели «особое этнографическое значение: например, бойки и гуцулы» [16: 104–105].

Ученый обратил внимание, что среди местных фамилий (прозвищ) нередко окончание на *-ов*. Также он отметил, что «в фамильных прозваниях здешних русинов весьма нередко окончание на "ов", свойственное преимущественно великороссиянам, у наших малороссиян почти вовсе неупотребительное; например, Турзов, Дорзов, Черепков, Васьков (имена фамилий помещичьих, пользующихся особою известностью и влиянием в крае)» [16: 105].

Также исследователь заметил, что «главной особенностью нрава русского считается здесь глубокая скрытность и ничем не преодо-

лимое упрямство». В Венгрии есть поговорка «упрям, как русняк» [16: 106].

Касаясь языка венгерских русинов, Н.И. Надеждин, ссылаясь на приведенный «отрывок из народного быта руснаков», писал, что «язык венгерских русинов, как видно также из приведенного образчика, ближе и понятнее нам, великороссиянам, чем наречие украинских малороссиян». Он считал, что «сохраненностью своей в таком виде, при такой удаленности и разъединенности с жизнью общерусскою, он обязан главным образом непоколебимой, безыменной, можно сказать, страстной привязанности русняков к праотческому церковнославянскому, или, правильнее, славяно-русскому богослужению». Он заметил, что, хоть в настоящее время русины Венгрии – униаты, однако никто, кроме духовенства, этого никто не понимает, поэтому веру свою они продолжают называть "русской"» [16: 112].

Говоря о вкладе ученого в развитие этнографической науки, Срезневский писал, что в своем выступлении на годовом собрании Русского географического общества «Об этнографическом изучении народности русской» Надеждин «ясно выразил мысль, одушевлявшую его»: «собрание и ученую разработку этнографических материалов считал он одной из главных задач общества» [24: 83; 27: 9]. Н.И. Надеждин призывал изучать «памятники нашей древности и старины, равно как и записки иноземцев о России», большей частью неразработанные, но хранившие ценные этнографические сведения. «Сам он принял личное участие в этнографической разработке древних русских летописей». Он поднял вопрос «о значении русских народных преданий в их применении к географии и этнографии», а также о важности использования филологии в этнографии в качестве вспомогательной дисциплины [24: 84–85; 27: 12–13].

Н.И. Надеждин первым в российской науке поставил вопрос об изучении русских вне России (в то время в науке господствовала теория единого русского народа, а русинов причисляли к малороссам. – С.С.), указал на значение «географической номенклатуры», одним из первых затронул проблему русского населения в Трансильвании, собрал этнографический материал об угорских русинах, обосновал необходимость дальнейшего изучения средневековой дипломатики стран проживания русинов, в т. ч. и Молдавского княжества.

Как заключил И.П. Филевич, отдавший Н.И. Надеждину первенство в постановке вопроса о Карпато-Дунайской Руси [29: 25], говоря о вкладе ученого «в области изучения славянской, так в частности русской древности»: «Судьба идей Надеждина вселяет утешительную уверенность в том, что истина не пропадает; но процесс ее торжества способен возбуждать грустные мысли» [29: 57].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В Испании Елизавету Васильевну выдали замуж за французского обедневшего графа Салиаса-де-Турнемир. Вместе с мужем она возвратилась в Москву. Ее муж Анри, по настоянию ее отца названный русским именем Андрей, получив солидное приданое, неудачно вложил средства в производство шампанских вин. После дуэли он был выдворен из России. Он бросил семью, и графиня Елизавета Васильевна осталась с тремя детьми на руках без средств к существованию. Источником дохода графини стал литературный труд. Публиковалась она под псевдонимом Евгения Тур. В своей квартире она устроила получивший известность литературный салон [5: 258–360].

2. Далеко не все современные исследователи разделяют данную точку зрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аристов Ф.Ф.* Значение А.В. Духновича как угро-русского историка // Русский архив. 1914. Кн. 2. С. 144–155.

2. *Венгеров С.А.* Надеждин, Николай Иванович // Источники словаря русских писателей. Т. IV: Лоначевский – Некрасов. Пг., 1917. С. 474–477.

3. *Венелин Ю.И.* Древние и нынешние словени в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам. Историко-критические изыскания Юрия Венелина. М.: Унив. тип., 1841. Т. 2. LXXIX, 326 с.

4. *Геннади Г.Н.* Список сочинений и изданий Н.И. Надеждина // Вестник Императорского русского географического общества. 1856. Часть 16. Кн. 1. Раздел V. Географические известия и смесь. С. 16–19.

5. Евгения Тур (1815–1892): материалы к библиографии. Составление и вступительное слово М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижёва // Литературоведческий журнал. 2015. № 36. С. 257–310

6. *Козмин Н.К.* Николай Иванович Надеждин. Жизнь и научно-литературная деятельность, 1804–1836. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1912. 561 с.

7. *Кочубинский А.А.* О русском племени в Дунайском Залесье // Труды Седьмого археологического съезда в Ярославле. Т. 2 / Под ред. графини Р.С. Уваровой. М.: Типография Э. Леснера и Ю Романа, 1891. С. 9–66.

8. *Кочубинский А.А.* О русском племени в Дунайском Залесье // Библиотека журнала «Русин». 2018. Т. 8. Вып. 1. С. 81–151.

9. *Манн Ю.В.* Надеждин Николай Иванович // Русские писатели. 1800–1917. Библиографический словарь. Т. 4: М–П. / Гл. ред. П.А. Николаев. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1999. С. 206–213.

10. *Надеждин Н.И.* Опыт исторической географии Русского мира. Статья первая // Библиотека для чтения. 1837. Т. 22, № 6. Отд. III: Науки и искусства. С. 27–79.

11. *Надеждин Н.И.* Прогулка по Бессарабии // Одесский альманах на 1840 г. Одесса: в городской типографии, 1839. С. 308–447.

12. *Надеждин Н.И.* О важности археологических и исторических исследований Новороссийского края преимущественно в отношении к истории и древностям русским // Торжественное собрание Одесского Общества любителей истории и древностей 4 февраля 1840 года. Одесса: в городской типографии, 1840. С. 25–58.

13. *Надеждин Н.И.* Записка о путешествии по южно-славянским странам // ЖМНП. 1842. Ч. XXXIV. Отд. II. С. 87–106.

14. *Надеждин Н.И.* О местоположении древнего города Пересечена, принадлежавшего народу угличам // Записки Одесского общества истории и древностей (далее - ЗООИД). Т. 1. Отд. 1. Рассуждения и исследования. Разд. III. География. Одесса, 1844. С. 243–256.

15. *Надеждин Н.И.* Отчет о путешествии, совершенном в 1840 и 1841 годах по южно-славянским землям. (Читан в торжественном собрании Общества 22 марта 1842 г.) // ЗООИД. Т. 1. Отд. 2. Сборник материалов. Разд. V. Путешествия и розыски по поручениям общества. Одесса, 1844. С. 518–548.

16. *Надеждин Н.И.* Об этнографическом изучении народности русской // Записки РГО. Кн. 2. СПб., 1847. С. 61–115.

17. Надеждин // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета за истекающее столетие, со дня учреждения января 12-го 1755 года по день столетнего юбилея января 12-го 1855 года, составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году, и расположенный по азбучному порядку / Ред. ординарный профессор С. Шевырѳев. Ч. 2 М.: Университетская тип., 1855. С. 153–155.

18. Надеждин Николай Иванович // Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. XX: Московский Университет – Наказания Исправительные. СПб., 1897. С. 432–434.

19. Надеждин Николай Иванович // Русский биографический словарь. Под наблюдением А.А. Половцова. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1914. Т. 11: Нааке-Накенский – Николай Николаевич Старший. С. 19–34.

20. Надеждин // Литературная энциклопедия: в 11 т. Т. 7. М.: Сов. энцикл., 1934. Стб. 566–569.

21. Надеждин Николай Иванович // Булахов М.Г. Восточнославянские языковеды (биобиблиографический словарь). Минск: Изд-во БГУ, 1976. Т. I. С. 170–171.

22. Надеждин Николай Иванович // Русские филологи XIX века: Биобиблиографический словарь-справочник / Авт.-сост. М.Е. Бабичева и др. М.: Совпадение, 2006. С. 303–310.

23. Николай Иванович Надеждин (1804–1856): материалы к библиографии. Составление и вступительное слово М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижѳева // Литературоведческий журнал. 2018. № 43. С. 156–309.

24. Некролог. Николай Иванович Надеждин. [Извлечение из статьи г. Срезневского] // ЖМНП. 1856. Часть XC. № 5 (май). Отд. VII. Новости и смесь. С. 75–86.

25. Н.И. Надеждин. Автобиография (неоконченная) с дополнениями П.С. Савельева и со списком работ Надеждина // Русский Вестник. 1856. Т. 2, № 1. Март. С. 49–78.

26. Полянина Т.В. Вопросы истории и культуры Закарпатья и Галичины в трудах первых русских славистов (Н.И. Надеждин и И.И. Срезневский) // Вопросы русской литературы. 1968. Вып. 2. С. 66–74.

27. Срезневский И.И. Воспоминания о Н.И. Надеждине (Читано в заседании Общества 27 янв. 1856 г.) // Вестник Императорского русского географического общества. 1856. Ч. 16. Кн. 1. Раздел V. Географические известия и смесь. С. 1–16.

28. Суляк С.Г. К вопросу о терминологии Карпатской Руси // Русин. 2019. № 55. С. 272–316. DOI: 10.17223/18572685/55/16

29. Филевич И.П. История древней Руси. Т. 1. Территория и население. Варшава: Типография Ф. Чернака, 1896. X, 383, [1] с.

REFERENCES

1. Aristov, F.F. (1914) Znachenie A.V. Dukhnovicha kak ugro-russkogo istorika [The role of A.V. Dukhnovich as an Ugro-Russian historian]. *Russkiy arkhiv*. 2. pp. 144–155.

2. Vengerov, S.A. (1917) *Istochniki slovarya russkikh pisateley* [Sources of the Dictionary of Russian Writers]. Vol. 4. Petrograd: Imperial Academy of Sciences. pp. 474–477.

3. Venelin, Yu.I. (1841) *Drevnie i nyneshnie sloveni v politicheskom, narodopisnom, istoricheskom i religioznom ikh otnoshenii k rossiyanam* [Ancient and modern Slovenia in their political, folklore, historical and religious attitude towards Russians]. Vol. 2. Moscow: Univ. tip.

4. Gennadi, G.N. (1856) Spisok sochineniy i izdaniy N.I. Nadezhdina [N.I. Nadezhdin's Bibliography]. *Vestnik Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva*. 16(1). pp. 16–19.

5. Biryukova, M.A. & Strizhev, A.N. (eds) (2015) Evgeniya Tur (1815–1892): materialy k bibliografii. Sostavlenie i vstupitel'noe slovo [Evgeniya Tur (1815–1892): materials for the bibliography]. *Literaturovedcheskiy zhurnal*. 36. pp. 257–319.

6. Kozmin, N.K. (1912) *Nikolay Ivanovich Nadezhdin: Zhizn' i nauchno-literaturnaya deyatel'nost', 1804–1836* [Nikolai Ivanovich Nadezhdin: Life, seminal and literary activity, 1804–1836]. St. Petersburg: Tip. M.A. Aleksandrova.

7. Kochubinsky, A.A. (1891) O russkom plemeni v Dunayskom Zales'e [About the Russian tribe in the Danube Zalesie]. In: Uvarova, R.S. (ed.) *Trudy Sed'mogo arkheologicheskogo s'ezda v Yaroslavle* [Proceedings of the Seventh Archaeological Congress in Yaroslavl]. Vol. 2. Moscow: Tipografiya E. Lesnera i Yu Romana. pp. 9–66.

8. Kochubinsky, A.A. (2018) Regarding the Russian Tribe in the Danubian "Lands Beyond the Woods". *Biblioteka zhurnala "Rusin" – Rusin Journal Library*. 8(1). pp. 81–151 (in Russian). DOI: 10.17223/23451734/8/5

9. Mann, Yu.V. (1999) Nadezhdin Nikolay Ivanovich [Nadezhdin Nikolai Ivanovich]. In: Nikolaev, P.A. (ed.) *Russkie pisateli. 1800–1917. Bibliograficheskiy slovar'* [Russian Writers. 1800–1917. Bibliographic Dictionary]. Vol. 4. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya Entsiklopediya. pp. 206–213.

10. Nadezhdin, N.I. (1837) Opyt istoricheskoy geografii Russkogo mira. Stat'ya pervaya [The historical geography of the Russian world. Article one]. *Biblioteka dlya chteniya*. 22(6). pp. 27–79.

11. Nadezhdin, N.I. (1839) Progulka po Bessarabii [A Walk in Bessarabia]. *Odesskiy al'manakh na 1840 g.* pp. 308–447.

12. Nadezhdin, N.I. (1840) O vazhnosti arkhelogicheskikh i istoricheskikh issledovaniy Novorossiyskogo kraya preimushchestvenno v otnoshenii k istorii i drevnostyam russkim [On the importance of archaeological and historical research of the Novorossiysk region mainly in relation to Russian history and antiquities]. In: *Torzhestvennoe sobranie Odesskogo Obshchestva lyubiteley istorii i drevnostey 4 fevralya 1840 goda* [Solemn Assembly of the Odessa Society of History and Antiquities Lovers on February 4, 1840]. Odessa: [s.n.]. pp. 25–58.

13. Nadezhdin, N.I. (1842) Zapiska o puteshestvii po yuzhno-slavyanskim stranam [Note on the Journey Through the South Slavic Countries]. *ZhMNP*. 34. pp. 87–106.

14. Nadezhdin, N.I. (1844a) O mestopolozhenii drevnego goroda Peresechena, prinadlezhavshego narodu Uglicham [On the location of the ancient city of Peresechen, belonging to the Uglich people"]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey*. 1. pp. 243–256.

15. Nadezhdin, N.I. (1844b) Otchet o puteshestvii, sovershenom v 1840 i 1841 godakh po yuzhno-slavyanskim zemlyam. (Chitan v torzhestvennom sobranii Obshchestva 22 marta 1842 g.) [The Report on the Journey Made in 1840 and 1841 in the South Slavic Lands. (Delivered in the Solemn Assembly of the Society on March 22, 1842)]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey*. 1. pp. 518–548.

16. Nadezhdin, N.I. (1847) Ob etnograficheskom izuchenii narodnosti russkoy [On the ethnographic study of the Russian people]. *Zapiski RGO*. 2. pp. 61–115.

17. Shevryev, S. (ed.) (1855) *Biograficheskiy slovar' professorov i prepodavateley Imperatorskogo Moskovskogo universiteta za istekayushchee stoletie, so dnya uchrezhdeniya yanvarya 12-go 1755 goda po den' stoletnego yubileya yanvarya 12-go 1855 goda, sostavlennyy trudami professorov i prepodavateley, zanimavshikh kafedry v 1854 godu, i raspolozhennyy po azbuchnomu poryadku* [Biographical dictionary of professors and educators of the Imperial Moscow University for the past century, from the date of establishment of January 12, 1755 to the day of the centenary of January 12, 1855, compiled by professors and educators who occupied departments in 1854, and arranged in the alphabetical order]. Vol. 2. Moscow: Universitetskaya tip. pp. 153–155.

18. Brokgauz, F.A. & Efron, I.A. (1897) *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. 20. St. Petersburg: F. Brockhaus, I.A. Efron. pp. 432–434.

19. Polovtsov, A.A. (ed.) (1914) *Russkiy biograficheskiy slovar'* [Russian Biographical Dictionary]. Vol. 11. St. Petersburg: Tip. Gl. upr. udelov. pp. 19–34.
20. Lunacharsky, A.V. & Friche, V.M. (eds) (1934) *Literaturnaya entsiklopediya: v 11 t.* [Literary Encyclopedia: in 11 volumes]. Vol. 7. Moscow: Sov. entsikl. Col. 566–569.
21. Bulakhov, M.G. (1976) *Vostochnoslavianskie yazykovedy (biobibliograficheskiy slovar')* [East Slavic linguists (a biobibliographic dictionary)]. Vol. 1. Minsk: BSU. pp. 170–171.
22. Babicheva, M.E. et al. (2006) *Russkie filologi XIX veka: Biobibliograficheskiy slovar'-spravochnik* [Russian philologists of the 19th century: A biobibliographic dictionary]. Moscow: Sovpadenie. pp. 303–310.
23. Biryukova, M.A. & Strizhev, A.N. (2018) Nikolay Ivanovich Nadezhdin (1804–1856): materialy k bibliografii [Nikolai Ivanovich Nadezhdin (1804–1856): materials for the bibliography]. *Literaturovedcheskiy zhurnal*. 43. pp. 156–309.
24. Sreznevsky, I.I. (1856) Nekrolog. Nikolay Ivanovich Nadezhdin. [Izвлечение из stat'i g. Sreznevskogo] [Obituary. Nikolai Ivanovich Nadezhdin. [Extract from an article by Mr. Sreznevsky]]. *ZhMNP*. 5. pp. 75–86.
25. Nadezhdin, N.I. (1856) N.I. Nadezhdin. Avtobiografiya (neokonchennaya) s dopolneniyami P.S. Savel'eva i so spiskom rabot Nadezhдина [N.I. Nadezhdin. Autobiography (unfinished) with additions by P.S. Saveliev and with a list of Nadezhdin's works]. *Russkiy vestnik*. 2(1). pp. 49–78.
26. Polyana, T.V. (1968) Voprosy istorii i kul'tury Zakarpat'ya i Galichiny v trudakh pervykh russkikh slavistov (N.I. Nadezhdin i I.I. Sreznevskiy) [Questions of history and culture of Transcarpathia and Galicia in the works of the first Russian Slavists (N.I. Nadezhdin and I.I. Sreznevsky)]. *Voprosy russkoy literatury*. 2. pp. 66–74.
27. Sreznevsky, I.I. (1856) Vospominaniya o N.I. Nadezhdine (Chitano v zasedanii Obshchestva 27 yanv. 1856 g.) [Memories of N.I. Nadezhdin (Delivered at the meeting of the Society on January 27, 1856)]. *Vestnik Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva*. 16(1). pp. 1–16.
28. Sulyak, S.G. (2019) On the Carpathian Rus' terminology. *Rusin*. 55. pp. 272–316 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/55/16
29. Filevich, I.P. (1896) *Istoriya drevney Rusi* [History of Old Rus]. Vol. 1. Warsaw: Tipografiya F. Chernaka.

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Sergey G. Sulyak – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: s.sulyak@spbu.ru